

МОНАСТЫРКА —

ЛЮБОВЬ МОЯ...

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ

Недавно на остановке городского транспорта, поджидая свой троллейбус, услышала, как женщина-пенсионерка рассказывала сидящим рядом ветеранам: "Сегодня весь день решила посвящать своим знакомым, которых с Монастырки переселили в новые квартиры по всему городу. Не могу без них. Ведь мы-то, монастырские, как одна большая семья..."

Я успела познакомиться с женщиной. Ее звали Ниной Николаевной. Подошел ее транспорт, и она, махнув нам всем рукой, уехала. Тогда я решила обязательно встретиться со своей знакомой Людмилой Ивановой Овсянниковой, которая тоже коренной житель Монастырки, и, наверное, ее тоже вот-вот переселят. Верно, и она переживает...

С Людмилой Ивановой мы проработали не один десяток лет на "Малютке" — Орловском радиоламповом заводе. Он был построен в конце 50-х годов на окраине города. На монтажный участок набирали молодых девушек с хорошим зрением и тоненькими пальчиками, чтобы собирать миниатюрные лампочки. Поэтому в народе и завод прозвали любовно "Малютка". Вот в то время несовершеннолетней девочкой и пришла на "Малютку" Людмила. Работала и одновременно училась на вечернем отделении ВЗМИ. А уже в 18 лет была назначена начальником участка. Людмила Ивановна — ударник трех пятилеток, награждена за свой труд медалью. У нее масса почетных грамот. Одной из первых была удостоена звания "Ветеран труда". Всегда ее избирали на общественную работу. Людмила Ивановна и сейчас трудится на родном заводе.

МОНЕТА В ФУНДАМЕНТЕ

Когда я встретила с Людмилой Ивановой и рассказала ей о женщине на остановке городского транспорта, то она призналась: "Я очень хорошо понимаю Нину Николаевну. Монастырка — тоже моя любовь... Да разве только моя? Мы до сих пор здесь живем, имея только газ. Людей переселяют в новые благоустроенные квартиры, а они слезами обливаются: ведь это, говорят, наша малая родина. Вся жизнь наших предков, да и наша собственная, прошла здесь, на Монастырке".

Честно говоря, я мало что знала о Монастырке, поэтому рассказ о ней меня заинтересовал. Людмила Ивановна рассказывала: — Наш дом, как и соседние дома, тоже пойдут на слом. Трудно с этим смириться. По документам он построен в 1867 году, а возможно еще и раньше. При реставрации фундамента сын нашел большого размера монету чеканки 1837 года. Мы ее храним.

"Боже мой! — подумала я. — Год-то какой, просто уму непостижимо. Это же последний год, когда еще билось сердце великого Пушкина... Вот так находочка!"

А Людмила Ивановна между тем все больше и больше удивляла меня своими воспоминаниями. Она рассказала, что застройка Монастырки происходила параллельно со строительством мужского монастыря. А ее родной дедушка работал в монастыре литографом — печатал церковные книги. В их семье сохранилось несколько старинных книг в кожаных, сафьяновых переплетках с печатью архимандрита. У них свой запах, своя жизнь.

Все предки Людмилы Ивановны мещане. Запомнился случай: когда умер отец Людмилы Ивановны, то стали искать свидетельство о его рождении. Старший брат нашел пожелтевшую от времени бумагу, в которой сообщалось, что младенец рожден от орловского мещанина и мещанки в 1910 году. А крестили маленького Ваню в Петропав-

ловском кафедральном соборе (в настоящее время на этом месте находится библиотека им. Бунина).

— Я много раз и в юности, и уже в зрелые годы перечитывала произведения Лескова, особенно его "Мелочи архиерейской жизни". Столько в них наша интересного о нашей Монастырке, — продолжала рассказывать Людмила Ивановна. — Узнавала даже дома, улочки, переулки, о которых писал Лесков. Я еще помню, была у нас улица, сейчас это Колпакчи, а раньше она называлась Огородной. Там мы, ребятишки, находили вкусную репу. А садили ее для попов-растриг. Нам говорили взрослые, что, дескать, кормили их только одной репой, чтобы они поскорее умирали, раз нагрели на этом свете...

СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ОБЫЧАИ

Жители Монастырки чтят обычаи своих предков. В православные и светские праздники обычно пекли пироги. Аппетитный запах разносился вокруг. Соседи угощали пирогами друг друга, родственники ходили друг к другу в гости. Обожают чаепитие. Да-

же сейчас почти в каждом доме сохранились самовары, да не по одному, а по два, три. В старину ценились полутораведерные, четырехведерные самовары.

Людмила Ивановна помнит, что еще даже в ее юношеские годы приходили к ней дружки на чаек. Она вытаскивала на свет пузатый, блестящий, как солнышко, самовар, который заранее чистила бузиной, потом протирала сукном. Кто-то из девочек бежал за родниковой водой. Тогда "ключики" повсюду здесь били. Даже колодец с чистойшей водой был. Одни растапливали лужинками самовар, другие ставили трубу, а на самый верх укладывали баранки. Они становились такими вкусными, горячими и мягкими. Пили чай долго, с веселыми рассказами.

Самое удивительное, что даже когда роднички заиливались и уже в самовары приходилось наливать водопроводную воду, то

она в столетних самоварах была тоже вкусной, не такой, как в электрических чайниках.

А если на дворе была непогода, то чай особенно был приятен. В метель, сильный ветер, дождик стены старого дома оживали. Начинили издавать какие-то вздохи, хрипы, будто бы хотели порассказать о чем-то далеком-далеком...

Людмила Ивановна частенько вспоминает, как ее родственники, приезжая из других городов, ее подруги всегда после чаепития признавались: "У тебя в доме такая необыкновенная, блаженная тишь, что мы все свои невзгоды забываем. Уходим умиротворенные, успокоенные, как будто побывали в храме".

Подраставшие новые поколения молодых перенимали обычаи старших. Также у домов в палисадниках выращивали много цветов, заводили сады, огороды. Непременно почитали старших.

Никто не ходил по улицам, щелкая, как сейчас, бывает, увидишь и в центре города, семечки. Это считалось дурной привычкой. Не было и пьяных. Многие старики помнят, как родители кричали малым детям: "Прячьтесь! Гришка-"красный нос" появился". И

все ребятишки врассыпную. Пьяный на улице — это было редкое явление. Обычно, если выпивали, то дома, по праздникам и в меру. Появляться на улице пьяным считалось большим позором.

Неохотно принимали монастырские парни женихов из других районов. Монастырские невесты считались самыми красивыми, скромными и трудолюбивыми. Не всем свахам удавалось уговорить родителей отдать дочку на сторону.

И еще присуще было монастырским жи-

телям сострадание не только к своему родному человеку, но и даже к совсем чужому. Это чувство особенно проявилось в годы войны. Люди помогали друг другу выжить.

Людмила Ивановна не может забыть, как её мама Ольга Андреевна делила варенье в мундирах картофелины на всю семью. После войны было голодно, карточная система. Пару картофелин она отодвигала в сторону. Люда знала, что их она с братом Леной понесет немецким военнопленным, которые восстанавливали старую 19-ю школу, разрушенную ими же. Это были уже не кадровые военные. Гитлер в конце войны посылал на фронт всех подряд — подростков, мужчин самых мирных профессий. На них было страшно смотреть. Монастырские дети несли им воду, крохи еды, отрывая от себя. Хотя большинство этих ребятишек потеряли в войну отцов, братьев.

ДАЖЕ РАЗВАЛИНЫ ПРИТЯГИВАЮТ ЛЮДЕЙ

Было бы абсолютно несправедливо не сказать о том, что Монастырка испокон веков была (и остается) самым красивым местом на Орловщине. По весне начинали цвести сады. Яблони, вишни покрывались нежно-розовым цветом. Подует легкий ветерок, и лепестки кружились, устлая землю. А вокруг садов — кусты сирени, жасмина. Аромат в воздухе был непередаваемый. В мае запедали соловьи. Они старались своими трелями переключаться с соловьями, гнездящимися на противоположном берегу Оки. Начался пол весне и облет голубей. Кстати, монастырские голубятники славились. Они поставляли своих птиц во многие города, даже в Москву.

Водили хозяева и красивейших петухов, кур. А потом уже, при Хрущеве, вышло постановление, запрещающее содержать птицу. И это красочное сказочное чудо начали люди, горюя, изводить.

Сейчас на развалинах старых домов копаются люди. Цыгане собирают металлолом. Старьевщики находят старую утварь, те же погнутые самовары, всякие лампы, ржавые монетки. Но есть еще так называемые "черные антикварщики". Они приезжают на дорогих машинах и раскапывают развалины исключительно по ночам. "Черные антикварщики" надеются найти клады. Даже шурфы роют. По слухам, жил на Монастырке богат, в годы революции запрятал он свои драгоценности в землю. Даже дом его еще сохранился, а вот клады пока не найдены. Ведь земля-матушка по всей России, не только на Монастырке, самая надежная хранительница добра.

Но есть самая трогательная, уважаемая категория любителей антиквариата, которая вытаскивает из-под развалин своих домов что-то только для них дорогое. Например, те же деревянные валёчки. Потом покрывают их лаком и забирают в свои новые добротные дома — как самые ценные сувениры. Они рассказывают своим внукам, правнукам, что вот этими валёчками их прапрабабушки и бабушки, стирая на плотках белье, били-колотили его, чтобы было оно ослепительно чистым и пахучим. А зимой мужчины прорубали проруби и белье тоже полоскалось в реке. Так что памятных находок всем хватает.

...Скоро на территории Монастырки снесут последний частный дом. Монастырка из ветхой старушки превратится в высотный современный район. Но хочется верить, что корни старой милой Монастырки не погибнут. Они произрастут и дадут о себе знать и в новых добротных домах, принесё в них доброту, любовь и уважение к нашей истории.

А пока тех, кто уже переехал на новое место жительства, по-прежнему тянет к себе Монастырка. Они вспоминают: вот на этом месте стоял их дом, вот тут играли их дети, а здесь сидела любимая кошечка... Вспоминают и смахивают слезы... Значит, не все потеряно, осталось в душе, в памяти что-то самое дорогое, на чем держится наш грешный мир.

Нина ГУЦЕВА.

На снимках: моя героиня Л.И. Овсянникова; а это Люда в детстве с мамой Ольгой Андреевной и братом Леной в саду своего дома на Монастырке (фото из семейного альбома); Монастырка сегодня.